

Ю. А. Русина

**«ВЕЛЕНИЯ ПАРТИИ ИЛИ ВЕЛЕНИЯ СЕРДЦА...»: НЕСКОЛЬКО
СТРАНИЦ ИЗ ИСТОРИИ СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1946 г.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-169-176

УДК 94(470.5)“1946”

ББК 63.3(283.64)631-72

В статье рассматриваются элементы внешнего влияния на творчество советских (уральских) писателей в первый послевоенный год, знаменующий собой так называемую остановку первой оттепели (1943–1946), первого короткого периода духовного подъема в обществе, рожденного преодолением мировой катастрофы. Под внешним влиянием в данном случае понимается партийное, идеологическое руководство, давление со стороны литературных критиков, коллег и т. п. феномены советской культуры в ее идеологическом дискурсе. Обращение к историческим материалам, сохранившим подобные свидетельства, позволяет увидеть целевые установки власти в ее стремлении контролировать творческие процессы, а также в определенной степени ее интеллектуальный и нравственный уровень. Именно к таким документальным источникам можно отнести впервые введенные в научную практику в данном исследовании протоколы общих и партийных собраний Свердловского отделения Союза советских писателей за 1946 г. Теоретической опорой анализа стали идеи Е. А. Добренко о «формовке советского писателя», конструкт об «идеальном типе автора соцреализма», предложенный Т. А. Кругловой, а также понимание соцреализма как метода организации литературного творчества в рамках конкретной идеологии. Невозможно было обойти вниманием влияние на творчество советских писателей Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», породившего волну критики и обсуждений произведений «недостаточно высокого идейного уровня» в областных отделениях ССП, а также культивировавшего несамостоятельность и зависимость отечественной литературы, спровоцировавшего фактическую остановку ее развития на годы. Большое внимание уделено в статье обсуждению в Свердловской областной организации Союза писателей и на Московском семинаре областных прозаиков неопубликованного рассказа уральской писательницы Нины Поповой «Встреча» (1946), а также анализу текста рассказа.

Ключевые слова: Свердловское отделение Союза советских писателей, Н. Попова, Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», П. П. Багжов, Б. Дижур, К. Боголюбов, уральские писатели, В. В. Ермилов

Новая власть в Советской России с первых шагов начала встраивать культуру в свою агитационно-пропагандистскую машину. К началу 1930-х гг. ею окончательно осознается «необходимость реального включения литературы в новый политико-эстетический проект».¹ Высшие партийные идеологические инстанции пристально следят за всем, что происходит «на литературном фронте», реализуя свой контроль

через созданный в 1932 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) Союз советских писателей и вмешиваясь в творчество отдельных литераторов.

Эпоха соцреализма в советской культуре названа Т. А. Кругловой, специалистом в области эстетики и теории культуры, «культурно-художественным полем, особым образом организованным и подчиненным стратегическим целям».² Доминанта идеологии, согласно ее выводам, отчуждает искусство 1930–1950-х гг. от реальности, провоцирует в его развитии переход от сложных поэтических систем 1910–1920-х гг. к упрощенной поэтике тоталитарного периода.³ Обращаясь к работам Е. Добренко: «все дороги революционной культуры», развивающей идеи «творчества как долга,

¹ Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 116.

*Русина Юлия Анатольевна — к.и.н., доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: iulia.rusina@urfu.ru*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков» (рук. Ю. В. Матвеева)

² Круглова Т. А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005. С. 31.

³ См.: Там же. С. 82, 127.

а искусства как «идеологического творчества класса» и «средства пропаганды организации и воспитания масс», «вели к соцреализму». ⁴ Предлагая, с целью возможности дальнейших обобщений и как средство анализа, конструкт «идеальный тип автора соцреализма», Круглова выделяет несколько его характерных черт. В их числе: «насушенная потребность во внешнем задании, заказе, ориентире, руководстве»; необходимость в соавторстве, роль которого выполняют читательские конференции, письма зрителей, художественные советы, цензура, редакция; стремление к публичности через интервью, встречи с публикой, высказывания в прессе и т. п. ⁵ В этой связи представляется уместным вспомнить «принципиально важное наблюдение» Добренко «об отсутствии автора у соцреалистического текста», «единственным творцом» которого «является власть». ⁶

Разного рода циркуляры, спускаемые сверху, становились для художника неотъемлемой частью творческого процесса. В этой связи хотелось бы поделиться обнаруженными откровениями начинающих литераторов 1940-х гг., молодых ребят, вернувшихся с фронта, чье стремление рассказать о пережитом, поведать о себе миру рвалось наружу. Духовный подъем 1943–1946 гг. выплеснулся в том числе в форме студенческих литературных кружков, появившихся во многих вузах страны и отличавшихся свободой, открытостью в обсуждении тематики своих первых литературных опытов (можно ли, например, писать о штрафбатах), а также жанровыми экспериментами (особенно была популярна у начинающих поэтов пародия). ⁷ Студентов-филологов и журналистов, будущих известных советских прозаиков и поэтов, членов литературно-творческого кружка Уральского госуниверситета им. А. М. Горького (УрГУ) волновал вопрос, все ли писатели искренни, когда следуют в своем творчестве духу партийных постановлений, или кто-то ставит себя в рамки необходимости. Они рассуждали об этом в частных беседах и на заседаниях кружка, предполагая, что «две трети писателей не прониклись духом

последних постановлений, а пишут так, потому что... иначе нельзя». ⁸

Сильнейшее внешнее влияние на творчество советских писателей в последнее сталинское десятилетие оказали постановления в области культуры, принятые в 1946–1949 гг., имевшие цель погасить нарастающую волну творческой свободы. Одна из самых известных кампаний, за которой стояла политическая борьба в высших эшелонах власти, решавшая задачи идеологического давления на интеллигенцию, была организована под эгидой Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград». По оценке К. Симонова, после победы в тяжелой войне, породившей духовное раскрепощение в писательском сообществе, власть таким путем стремилась «поставить на место» писателей, «прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзию». ⁹

Исследовательница хитросплетения отношений внутри литературной среды Н. А. Громова в книге «Распад» передает, как воспринимала атмосферу, рожденную этим постановлением, «верная линии партии Маргарита Алигер»: ¹⁰ «Хотелось зажмуриться, забыть и потом очнуться, и чтобы все это оказалось лишь тяжелым сном. Но реальность оставалась реальностью. И почти физически я ощутила: в мире, где я живу и надеюсь еще долго жить, в литературе случилось нечто непоправимое. Но едва ли я тогда понимала меру той непоправимости.

В Москву я вернулась в начале октября. Там царил невеселое оживление, без конца созывались собрания, всячески раздвигались рамки действия постановления, применяемого к местному материалу. Шла упоенная пустая деятельность, на которой литература наша (увы) потеряла много лет и немало драгоценных сил». ¹¹

«Послевоенное движение культуры с робкими попытками самостоятельности, — включает Громова, — было грубо остановлено. Теперь надо было выступать, и выступать с поддержкой постановления». ¹² Естественно,

⁴ Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 26, 27.

⁵ См.: Круглова Т. А. Указ. соч. С. 190–192.

⁶ Добренко Е. Метафора власти... С. 35.

⁷ См.: Русина Ю. А. Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 269–285.

⁸ Русина Ю. А. Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2014. № 1 (124). С. 158.

⁹ Цит. по: Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 143.

¹⁰ Громова Н. А. Распад: Судьба советской критики в 40-е–50-е годы. М., 2009. С. 91.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Там же. С. 91.

что круги, расходящиеся из центра, должны были коснуться писательских отделений по всей стране.¹³

Документальными свидетельствами этих кругов стали использованные в данном исследовании протоколы общих и партийных собраний Свердловского отделения Союза советских писателей за 1946 г.

26 августа 1946 г. в Свердловском отделении ССП состоялось общее собрание, на котором с докладом о постановлении, осудившим публикационную деятельность ленинградских журналов, выступил И. С. Пустовалов, секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде. Согласно сложившемуся ритуалу, подобные выступления обязательно должны были содержать критику и замечания в адрес слушателей, в данном случае уральских литераторов (протокол занимает всего три страницы, и слова выступающих переданы не прямой речью, а в изложении):

«В творчестве уральских писателей не отражены те исторические процессы, которые происходят в арсенале страны — на Урале. Всей нашей писательской организации свойственен отрыв от нашей современности. В творчестве писателей допускаются серьезные ошибки.

Доклад подверг критике произведение Н. Поповой¹⁴ “Встреча”, в котором извращается наша действительность. Тов. Попова до сих пор не признала этой ошибки.

В творчестве Б. Дижур,¹⁵ которую докладчик затруднился назвать советской писатель-

ницей, нет показа советской действительности, многие ее произведения рассчитаны на искусство ради искусства. <...>

Докладчик призвал развернуть повседневную творческую работу в Свердловском отделении Союза писателей и устранить недостатки, стоящие на пути к выполнению постановления ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”».¹⁶

Кроме того, главный областной партийный агитатор и пропагандист, «не ставя знака тождества между Ахматовой и Дижур», обратил внимание на то, что «есть отдельные тенденции, мотивы, роднящие их», посоветовав «в своем творчестве выполнять не веления своего сердца, а веления партии и государства», а также, отмечено в документе, «тов. Пустовалов не видит смысла в работе тов. Дижур над повестью “Януш Корчак”».¹⁷ Примечательно, что слова о приоритете «велений партии» над «велениями сердца» в машинописном протоколе подчеркнуты ярко-синими чернилами.

Чтение протоколов партийных собраний уральских писателей наталкивает на мысль, что Белле Дижур была отведена в эти годы роль «местной Ахматовой». Их имена часто упоминались рядом, а произведения оценивались одними и теми же эпитетами: «уныние, пессимизм, элементы эстетства».¹⁸ Отметим попутно, что Дижур вновь станет объектом пристального внимания и партийной критики в ходе кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 г. Действительно, явно выбивалась из ряда работ советских писателей ее поэма «Януш Корчак». Известный в Европе ученый и педагог, погибший вместе со своими учениками в газовой камере Трелинки, был назван коллегами-коммунистами «непротивленцем» с «общечеловеческими настроениями». Автора же упрекали в том, что в поэме «ни звука нет о том, что Родину ее героя Польшу освободила от фашистов Красная Армия».¹⁹

Но вернемся к докладу секретаря Пустовалова. Протокольная дисциплина требовала его обсуждения. В реакции писателей, выступивших в прениях, звучит, с одной стороны, в довольно характерных выражениях поддержка докладчика: «...в отношении писателей необходимо покончить с либерализмом в оценке произведений, бороться за высокое

¹³ См., напр., работу, где рассматривается борьба новосибирских, омских и томских партийных органов за «идейность в литературе», а также анализируются причины «верноподданнического» сотрудничества некоторых представителей интеллигенции на ниве продвижения идеологической кампании: Сизов С. Г. Постановление ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах (1946 г.) и идеологическая работа партийных органов с литераторами Западной Сибири // Омск. науч. вестн. 2001. № 17. С. 22–27.

¹⁴ Попова Нина Аркадьевна (1900–1969), писатель, журналист, член Союза писателей СССР (1936). В 1919 г. окончила Ирбитскую женскую гимназию, работала учительницей, воспитательницей детского дома в Томске. С 1925 г. сотрудничала с томской газетой «Красное знамя», где печатала стихи, очерки, фельетоны. В конце 1920-х гг. приехала на Урал. Возглавляла Свердловское отделение Союза писателей в 1950–1960 гг., основная тематика произведений — историко-революционная (Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. Екатеринбург, 2016. С. 287).

¹⁵ Дижур Белла Абрамовна (1903–2006), прозаик, поэт, член Союза писателей СССР (1940), мать скульптора Эрнста Неизвестного. Окончила химико-биологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (1928). В 1939 г. в журнале «Молодая гвардия» впервые опубликовала свои стихи. Писала книги для детей научно-популярного, познавательного содержания. В 1942 г. начала работать над поэмой «Януш Корчак», за которую впоследствии была награждена медалью им. Корчака (Польша) (Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. С. 106).

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

¹⁷ Там же. Л. 169.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 59.

¹⁹ Там же.

качество продукции»; «...основная задача писателей добиться высокой идейности произведений»; «...постановление ЦК нас обрадовало, так как не секрет, что часть молодняка шла за А. Ахматовой».²⁰ С другой — говорили о трудностях, которые действительно имели место и существенно затрудняли писательский труд. Главная проблема — негде печататься, необходим журнал, Свердловское государственное издательство (Свердлгиз) — «трагичная организация, по существу лишенная типографской базы».²¹

Павел Петрович Бажов (председатель Свердловского отделения ССП) связал критику творческой деятельности советских писателей с нуждами уральцев: «Безыдейность литературных произведений — это не только результат отсутствия политической учебы, нужен и журнал, который бы дисциплинировал писателей к текущему дню, его задачам», — а отсутствие надлежащей издательской базы является причиной «затора в выпуске произведений наших писателей».²² Тема слабого материального и организационного потенциала Свердлгиза звучит и в письмах Бажова этого времени:

«Что касается нашего издательства, то оно в настоящее время так связано полиграфической своей базой, что буквально годами задерживает выход в свет вещей, уже давно просмотренных и принятых».²³ «У нас, когда сдают рукопись в типографию, это похоже на сбрасывание в бездонный колодезь, от вёрстки до сигнального экземпляра проходят годы, а от сигнального до сдачи тиража еще. Жизнь же человеческая... не особенно длинна, совсем не приспособлена к издательским темпам».²⁴

Обращает на себя внимание тот факт, что фигура П. П. Бажова присутствует в сохранившихся протоколах партийных собраний Свердловской писательской организации как бы незримо. Он очень редко высказывается, практически никогда — резко. Недаром знатоки его биографии и творческого наследия отмечают бросающиеся в глаза противоречия: «Соединение в одной жизни работы в цензурном комитете и, по сути, альтернативной официальной истории региона, обучения в духовной семинарии и выраженного антиклерикализма, поведения “мудреца” и открытой

предвзятости “Сказов о немцах”, отраженной в письмах битвы за создание заказной документальной книги о строительстве Камского бумажного комбината и параллельного создания полужанра сказов плохо “стыкуется”».²⁵ Здесь видится огромное поле затекстовых влияний в дискурсе тех исторических сюжетов, свидетелем, участником и соучастником которых довелось стать уральскому журналисту, писателю, сказочнику.

Месяцы, следующие за постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», в Свердловском отделении ССП проходили, как это отмечено в отчетных документах самими писателями, под знаком «творческого оживления». Доказательством последнего объявляется повесть О. Марковой,²⁶ «затрагивающая одну из наиболее интересных и почти неосвоенных до сего времени сторон нашей жизни — электрификацию уральского колхозного села».²⁷ Активность уральского писательского сообщества проявилась также в осуждении «идеологически невыдержанного рассказа Н. Поповой “Встреча”».²⁸

Важно подчеркнуть, что рассказ Нины Поповой подвергся критике еще до выхода постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Этот факт обращает на себя внимание и может быть использован для изучения примера «инициативы на местах», когда писательские сообщества или отдельные представители советского литературного процесса чутко улавливали новую тональность в его развитии, угадывая заранее, какие ветры подуют из центра.

Итак, на общем собрании парторганизации Свердловского отделения ССП 15 мая 1946 г. ее председатель Бажов высказался в отношении произведения Поповой в стилистике соцреалистических догм:

«Не всё благополучно в парторганизации по политучебе. Это резко сказывается на творчестве отдельных писателей. Последний разбор

²⁰ Там же. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 168–169.

²¹ Там же. Л. 168.

²² Там же. Л. 169.

²³ Письмо И. С. Мартыанову, 26 августа 1946 г. // Павел Петрович Бажов. Письма 1911–1950. М.; Екатеринбург, 2018. С. 394.

²⁴ Письмо Л. И. Скорино, 17 сентября 1946 г. // Там же. С. 400.

²⁵ Литовская М. А. Образ П. П. Бажова в современных российских СМИ: биографический поворот // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 145.

²⁶ Маркова Ольга Ивановна (1908–1976), училась в Москве: на рабфаке искусств при ВХУТЕМАС, МГУ, Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. В 1931 г. вернулась на Урал, преподавала литературу в средней школе, работала редактором в Свердловском радиокомитете. Первая книга «Варвара Потехина» опубликована в 1935 г. Член правления Свердловского отделения Союза писателей (с 1936 г.), председатель Свердловского отделения СП (1961–1965), член правления СП РСФСР (с 1965 г.) (Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. С. 222).

²⁷ ЦДООСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13.

²⁸ Там же.

творчества Н. Поповой (рассказа “Встреча”) показал, что писательница отстает от действительности, идеализирует прошлое, показал, что она не знает диалектического материализма. <...> В этом парторганизация должна взять часть вины на себя». ²⁹

В итоге рассказ, который обсуждался литераторами и чиновниками от литературы на протяжении нескольких месяцев в Свердловске и Москве, так и не дошел до читателя. Текст его, однако, сохранился и представляется достоянием того, чтобы с ним познакомиться.

Главный герой рассказа «Встреча» — фольклорист, собиратель устных традиций, знаток истории края Павел Павлович Плотников, добросердечный искренний пожилой человек, с головой погруженный в свои исследования:

«...с библейским простодушием присылал такие произведения устного народного творчества, что в машинописном бюро долго не смолкало стыдливое хихиканье. <...> Кротко перенес он в тридцать седьмом году самое большое свое горе — смерть сына студента. <...> В те дни Павел Павлович начал заикаться, облысел...» ³⁰

Краски характеру старого краеведа добавляет эмоциональная сцена, рисующая его «фолклорничество», как он сам называет любимое дело:

«Кровь бросилась в лицо Павла Павловича. Он начал быстро записывать, чуть не водя носом по бумаге. Пусть это не войдет в книгу, не нужно для книги. Он понимал, что нашел жемчужину, золото. <...> Его начинала бить лихорадка. “Фартануло!”, — усмехнулся он». ³¹

Действие рассказа происходит в 1943 г. в небольшом уральском городе, в описании которого присутствуют металлургический гигант, новостройки и бульвары. Подробные строки автор посвятила городскому музею с работами крепостных мастеров и мастериц, портретами Демидовых кисти итальянских художников. Неравнодушие автора слышится, когда она говорит о здании бывшей «цифирной школы, испорченном безобразной надстройкой». ³² Учитывая биографию Н. Поповой, можно предположить, что нарисованный в рассказе город заимствует черты Нижнего Тагила.

Кульминацией повествования является встреча восторженного, «немного не от мира

сего» фольклориста и его бывшего ученика в чине первого секретаря горкома партии. Последний, выписанный в образе железного большевика, холодно, «насильственно просветлев лицом», ³³ встретил старого учителя.

За что критиковали так и не опубликованный рассказ?

«Встреча» обсуждалась еще в апреле 1946 г. на заседании Свердловской писательской организации, когда местный литературный критик, преподаватель факультета журналистики УрГУ Константин Боголюбов ³⁴ назвал рассказ «антисоветским»:

«Сплошная черная краска. <...> Крупным планом дано все отрицательное. <...> дело в деталях, которые свидетельствуют о большой симпатии автора к прошлому, идеализации старины. <...> ...отрицательное отношение к современности». ³⁵

Такую реакцию вполне могла вызвать несколько возвышенная, действительно подернутая грустью о прошлом интонация автора в описании местечка, где живет собиратель фольклора. В рассказе нашли отражение известные послабления в отношении религии и священнослужителей, произошедшие в 1943 г.:

«Величавая церковь со стрельчатými сводами блестела крестами, куполами, выпуклыми паникадилами и золоченой резьбой “Царских врат”. Узорные чугунные плиты устилали пол. На стопудовом громко ревущем колоколе была надпись, что он отлит на заводе Демидова. <...> Рядом висели тонкоголосые колокола, пожалованные царем Федором.

Монастырь был обнесен непреступной каменной стеной. <...>

И вот, — все переменялось.

Из церкви слышится железный лязг, — там мастерская МТС. Колокола переплавлены. Только один осколок с надписью удалось отстоять для музея, — тот лежит в отделе хранения. По двору, где когда-то стояли чинно могильные памятники, с натугой ползет трактор...

²⁹ Там же. Л. 31.

²⁹ Там же. Д. 1. Л. 150.

³⁰ ОМПУ. КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 22–23.

³² Там же. Л. 14–15.

³⁴ Боголюбов Константин Васильевич (1897–1975), писатель, критик, литературовед, член Союза писателей СССР (1939). Учился в Пермском университете на историко-филологическом факультете. Не окончил. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1926 г. жил в Свердловске, преподавал в Урало-Сибирском коммунистическом университете, Свердловском институте журналистики, в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Принимал участие в подготовке издания избранных сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка (1935–1936). Автор книги о Д. Н. Мамине-Сибиряке «Певец Урала» (1939). (Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. С. 56).

³⁵ ОМПУ. КП 7984. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

трактористка весело переругивается с каким-то кудрявым парнем. <...> В греко-латинской школе — общежитие трактористов. А длинную облупившуюся трапезную заняли эвакуированные. На дверях архива — большой висячий замок. <...>

Все меняется. Когда-то монастырь был аванпостом просвещения края. Был он рассадником письменности. И хозяйство его процветало. Передовое было хозяйство: и рыбные ловли, и вишневые угодья, и лесочек, и “домница” для выплавки чугуна, и табуны... Житницы ломались от хлеба. <...> И вот — нет монастыря. И о нем знают только недоброе: как монахи истязали крестьян, да расправлялись с восставшими». ³⁶

Ровно через месяц, в мае 1946 г., в Москве на семинаре областных прозаиков энергично и велеречиво выступил с оценкой рассказа Поповой литературный критик, которого многие советские авторы могли бы помянуть недобрым словом, Владимир Владимирович Ермилов:

«...этот рассказ анахронистичен, ...его внутренняя потенция, его проблематика — это все 20-е годы. ...воспроизводит каноны нашей литературы 20-х годов: столкновение прекрасногодушного, отвлеченного старо-интеллигентского гуманизма с большевистской прямоотой и твердостью. Но то, что было хорошо в 20-х годах — смешно в 40-х. Железобетонный, каменно-непоколебимый, резкий, твердый, неумолимый секретарь райкома (в рассказе — секретарь горкома — Ю. Р.), с плакатным фоном индустриального Урала... — с одной стороны, а добренький, старенький, отвлеченный интеллигент-гуманистик, — с другой стороны, боже мой, до чего же архаично в наше время это противопоставление твердого и мягкого! <...> Этот большевик мне не нравится. В этом секретаре райкома я вижу ханжу... Кто из нас, увидя своего старого учителя, не обнимет его прежде всего? А, видите ли, он де государственный деятель... Тов. Попова, видимо, это хотела подчеркнуть, что он является государственным деятелем... <...> Описание старичка-фольклориста нетерпимо слащаво. <...> Он... жалкий Акакий Акакьевич. <...> И, когда противопоставлены два таких человека, из которых один бесконечно мал..., а другой неприятно железобетонный... удивительно неприятно делается». ³⁷

Литературный функционер В. В. Ермилов, поднявшийся по карьерным ступеням из секретарей РАПП до главного редактора «Литературной газеты» конца 1940-х гг., был олицетворением именно тех «велений партии», которые отразились на многих текстах и судьбах, чего ему в итоге не простили. Репутация этого деятеля от литературы была такова, что при жизни люди так выражали свое отношение: «На калитке ермиловской дачи в Переделкине красовалось обычное среди тамошних дачевладельцев предостережение: “Осторожно! Злая собака!” Так вот, к ермиловской этой вывеске кто-то будто бы приписал: “И беспринципная”». ³⁸

А после смерти (этот факт широко известен благодаря воспоминаниям Бенедикта Сарнова) в Малом зале Центрального дома литераторов (ЦДЛ), где проходило прощание, «у гроба Владимира Владимировича Ермилова не было ни души... Ситуация была до такой степени необычная, что... кто-то из литфондовского начальства в панике позвонил в ЦК. И последовало мудрое решение. ...в добровольно-принудительном порядке согнать в Малый зал всех служащих ЦДЛ: официантов, уборщиц, секретарш...» ³⁹

В то же время справедливости ради заметим, что выведенное в рассказе Поповой противопоставление двух личностей может производить именно такое впечатление, о котором в довольно обидном для автора тоне высказался советский критик. Такой железобетонный большевик мало кому мог понравиться, не пришелся он по сердцу и товарищу Ермилову. Но суть недовольства литературного функционера, скорее всего, выростала из уверенности в недопустимости столь примитивного изображения характера «государственного деятеля».

Н. Попова восприняла критику ее произведения как необоснованную, более того, «как травлю», «не признавая своей ошибки». Об этом свидетельствует протокол общего собрания Свердловской писательской организации, состоявшегося 26 августа 1946 г. ⁴⁰ На майском же семинаре в Москве тональность ее речи была иной. В начале обсуждения, представляя свою работу, она искренна, в ее словах звучит исповедальная нота: «Долгое время меня увлекало изображение характера, какие-нибудь острые ситуации, но за последнее время

³⁸ Сарнов Б. Маяковский. Самоубийство. М., 2006. С. 442.

³⁹ Он же. Красные бокалы. Булат Окуджава и другие: воспоминания. М., 2014. С. 442, 443.

⁴⁰ ЦДОСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 167–168.

³⁶ Там же. КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–8.

³⁷ Там же. КП 7987. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40. Л. 23, 23об., 25, 25об.

мне хотелось показать уже не только то, что я вижу, но и передать то, о чем я иногда думаю... <...> Хочется что-то личное в смысле ощущения передать».⁴¹

После разгрома «Встречи» Ермиловым и другими в ее голосе слышатся слабая защита и беспомощность, стремление соответствовать ожиданиям московских корифеев от литературы: «Замысел у меня был такой: хотела вначале показать симпатичного старичка... и развенчать его. <...> Мне очень жаль, что человеческих чувств в Жернакове (секретарь горкома, второй герой рассказа, антипод фольклориста — Ю. Р.) не уловили».⁴²

Однако, читая текст рассказа и содержание его обсуждения, с трудом верится в означенный замысел автора — развенчать увлеченного своим делом фольклориста, нарисованного изначально бессребреником, добрым и глубоко чувствующим человеком. Автор явно на стороне «симпатичного старичка», а не его ученика, живущего «со взведенным курком».⁴³ И дальнейшее повествование — свидетельство тому. Учитель просит ученика об удвоенном питании страдающей от дистрофии «лучшей песельнице», с которой он познакомился, «фолклорничая» на окраинах города, но получает отказ Жернакова, так как певица, Нюра Первушина, на заводе «даже норму не выполняет», хоть и «талантливый человек... но стоит вне коллектива».⁴⁴ В мировоззренческом споре, что важнее: работать на победу или думать о душе, человечности, сбережении традиций, — новый человек Иван Жернаков с его клишированными фразами и агитпроповской риторикой явно проигрывает апологету старины Павлу Павловичу Плотникову. Сложно «уловить человеческие чувства» в секретаре горкома, неспособного, из боязни обнажить тем самым слабость, поделиться с душевно к нему расположенным учителем своим горем (потерей жены). В то же время Павел Павлович, возвращаясь домой, подбирает на вокзале девочку-сироту и приводит ее в дом, хотя война, хотя живут небогато, да и в семье уже есть усыновленный ребенок: «Ну государство, там... детские дома, а мы потихонечку-помаленечку сами воспитаем. Тоже государству помощь».⁴⁵

В финале рассказа Плотников делится с женой тяжелым осадком от общения с выросшим в парташпаратчика учеником: «Понимаешь, отравил он меня. <...> Вот поговоришь с ним и начинаешь свою никчемность осознать. <...> На мели моя плоскодоночка ... Не в фарватере я»⁴⁶ (Здесь многоточия без скобок: так у автора рассказа — Ю. Р.). Последние строки произведения рождают сомнения в стойкости тех приоритетов, которые выстраивались автором в ходе повествования, в законченности, продуманной завершенности рассказа. Образ старого учителя-фольклориста, который видит читатель на протяжении повествования, проникнутый верой в преодоление, верой в свое предназначение, не сочетается с осознанием «никчемности», если только это не сиюминутное чувство. Не верится, что встреча с очерстевшим душой учеником могла стать разрушительной для личности учителя. Возможно, здесь кроется неясность, неубедительность авторского взгляда, в конечном итоге слабость произведения и в какой-то степени правота критиков, не допустивших рассказ до печати.

Что касается творческого пути автора рассказа, то не всегда подобная критика влекла за собой нарушение карьеры. Власть умело выбирала «подходящую жертву» на волне определенной кампании. Так, Н. А. Попова через несколько лет, в 1951 г., возглавила Свердловское отделение ССП, продолжала работать в историко-революционной тематике и много публиковалась. Будучи соцреалистическим писателем, она, видимо, успешно прошла соответствующую «формовку» и явно принимала систему, обязательными структурными частями которой являлись «заказ», «критика», «обсуждение», «наставление», «одобрение» и т. п. Обида на коллег за «Встречу» скорее может быть расценена, как эмоциональная реакция, которая не имела потенциала для пересмотра идеологической составляющей писательского труда. И все же вопрос, которым задавались студенты-филологи и журналисты послевоенного поколения, о мере искренности следования спускаемым сверху идеологическим установкам так и остается пока без ответа и требует проникновения в тайники творчества и биографий советских литераторов.

⁴¹ ОМПУ. КП 7987. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 360б.

⁴³ ОМПУ. КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

⁴⁴ Там же. Л. 31, 39.

⁴⁵ ОМПУ. КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 48

⁴⁶ Там же. Л. 47.

Yulia A. Rusina

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

“THE PARTY’S COMMANDS OR THE HEART’S DESIRE...”:
SEVERAL PAGES FROM THE HISTORY OF THE SVERDLOVSK BRANCH
OF THE UNION OF SOVIET WRITERS (1946)

The article considers the traces of external influences on the works of Soviet (including Ural) writers in the first post-war year, which marked the end of the so-called first thaw period (1943–1946), a brief spiritual upsurge in the society recovering from the global catastrophe. In this article, the term external influence refers to the ideological pressure coming from the literary critics, colleagues, and other similar phenomena of Soviet culture expressed in ideological discourse. Addressing historical materials that preserved such evidence makes it possible to see the goals of the authorities aiming to control creative processes and, to a certain extent, intellectual and moral level of the authorities themselves as well. The protocols of general and party meetings of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers for 1946 used in this study can be attributed to this kind of documentary sources. Theoretically, the analysis builds on E. A. Dobrenko’s ideas about “formation of the Soviet writer” and on the concept of “ideal type of social realism writer” proposed by T. A. Kruglova, as well as on the understanding of socialist realism as a method of structuring a literary work within the framework of socialist ideology. It was impossible to ignore the impact that the resolution of the Central Committee of the Communist Party on the journals “Zvezda” and “Leningrad” (August 14, 1946) had made on the Soviet writers. It provoked numerous discussions on “insufficiently high ideological level” of fiction in the regional branches of the Union of Soviet Writers, and restricted the course of national literature that impeded its development for years. Much attention is paid to the discussion of the unpublished short story “Meeting” (1946) by the Ural writer Nina Popova that took place in the Sverdlovsk regional organization of the Union of Soviet Writers and at the Moscow regional seminar of prose writers, as well as to the analysis of the text of the story.

Keywords: *Sverdlovsk branch of the Union of Soviet writers, N. Popova, Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) 14.08.1946 on the journals “Zvezda” and “Leningrad”, P. P. Bazhov, B. Dizhur, K. Bogoliubov, Ural writers, V. V. Ermilov*

REFERENCES

- Babichenko D. L. *Pisateli i tsenzory. Sovetskaia literatura 1940-kh godov pod politicheskim kontrolem TsK* [The writers and the censors. Soviet literature of the 1940s under the political control of the Central Committee]. Moscow: ITs “Rossiia molodaia” Publ., 1994. (in Russ.).
- Ekaterinburg literaturnyy: entsiklopedicheskii slovar’* [Literary Ekaterinburg: encyclopedic dictionary]. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2016. (in Russ.).
- Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial’nyye i esteticheskiye istoki sovetskoy literaturnoy kul’tury* [Formation of the Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Saint Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo “Akademicheskii proyekt” Publ., 1999. (in Russ.).
- Dobrenko E. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoy epokhi v istoricheskom osveschenii* [Metaphor of Power. Literature of the Stalinist era in historical coverage]. Munich: Otto Sagner, 1993. (in Russ.).
- Gromova N. A. *Raspad: Sud’ba sovetskoy kritiki v 40-e–50-e gody* [Decay: The fate of Soviet criticism in the 40s–50s]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2009. (in Russ.).
- Kruglova T. A. *Sovetskaia khudozhestvennost’, ili Neskromnoe obaianie sotsrealizma* [Soviet artistry, or Indiscreet charm of socialist realism]. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet Publ., 2005. (in Russ.).
- Litovskaia M. A. [Image of P. P. Bazhov in the Modern Russian Media: A Biographical Turn]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, no. 2 (198), pp. 138–150. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.2.028 (in Russ.).
- Rusina Yu. A. [The rhymes of life. Ural State University students’ literature circle: a history (mid-1940s)]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2011, no. 4 (96), pp. 269–285. (in Russ.).
- Rusina Yu. A. [Between repentance and confession: students’ literary works during the last decade of Stalin’s rule]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, no. 1 (124), pp. 149–163. (in Russ.).
- Sizov S. G. [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) on Leningrad journals (1946) and ideological work of party bodies with Western Siberia writers]. *Omskiy Nauchnyy Vestnik* [The Journal Omsk Scientific Bulletin], 2001, no. 17, pp. 22–27. (in Russ.).